

Алексей Воробьев: «У БОГА ЕСТЬ ПЛАН ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА»

ОН ТАЛАНТЛИВ, КРАСИВ, ОБАЯТЕЛЕН. И ЭТО НЕВОЗМОЖНО СКРЫТЬ НИ НА СЦЕНЕ, НИ НА ЭКРАНЕ, НИ В ПРОЕКТЕ «ЛЕД И ПЛАМЕНЬ». ПЛЮС НЕВЕРОЯТНО СПОРТИВЕН. НУ, А О ЕГО СМЕЛОМ И ОТЧАЯННОМ НРАВЕ МОЖНО ПРОСТО ЛЕГЕНДЫ СЛАГАТЬ. ЧТО ОН ВЫТВОРЯЛ В «ЖЕСТОКИХ ИГРАХ»... А УЖ КАТАТЬСЯ СО СЛОМАННОЙ РУКОЙ, К КОТОРОЙ ПОТОМ ПРИБАВИЛАСЬ НОГА С ПОРВАННЫМИ СВЯЗКАМИ... НАВЕРНОЕ, ЭТО ОДЕРЖИМОСТЬ, БЕЗ КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖЕН НАСТОЯЩИЙ АРТИСТ. У ВОРОБЬЕВА ОДЕРЖИМОСТЬ В КВАДРАТЕ.

Несмотря на все вышеперечисленные достоинства и довольно юный возраст, в Алексее нет ни намека на самовлюбленность и высокомерие. Разве что в рассказе о себе нередко звучат слова о собственных талантах и успехах. Но это говорится так искренне и с такой мальчишеской радостью, что не раздражает, а, напротив, делает его еще более притягательным. Мы встречаемся с Лешей в его небольшом и очень уютном жилище в центре Москвы, где вместе с ним обитает еще один обаятельный субъект — смешной и такой же живой и непоседливый, как

хозяин, бело-рыжий пес по кличке Элвис. Видно, как они любят друг друга. Кстати, с тренировки в предыдущий день Алексей вернулся почти под утро, после интервью снова собирался на лед, а на 9:30 утра следующего дня уже были запланированы съемки. Тем не менее наша беседа складывалась так, как будто не было ни бессонной ночи, ни усталости, — Леша был эмоционален, открыт, при этом чувствовалось, что произносит не заученные фразы, а думает, что-то вспоминает...

*Леша, почему вы решили участвовать в проекте «Лед и пламень»?
Вроде бы экстрима у вас было достаточно, чего стоят одни «Жесткие*

игры». Или главной целью была возможность разрушить стереотип восприятия вас режиссерами?

Я, честно говоря, вообще не «запиривался» на эти темы. Я сказал, что мне это не очень интересно, потому что за пять лет «льда» в этом нет ничего нового. Тогда мне предложили просто сходить, попробовать, добавить танцы. И я приехал на каток. Мне дали коньки и вытолкнули на лед. До этого я не стоял на коньках никогда в жизни. Но, естественно, весело заявил, что сейчас покажу всем высший пилотаж! Попытался ехать, прыгать, крутиться, но у меня не просто ничего не получалось, а я падал так, что народ вокруг просто умирал от смеха. Мне кажется, Илья Авербух так давно не смеялся! И тут я увидел, как другие ребята, которые недавно сюда пришли, уже легко скользят по льду, а Денис Матросов вообще делает «беговые» назад. И это меня по-настоящему завело... Я же очень конкурсный парень и к тому же азартный по натуре. Если кто-то делает то, что у меня не выходит, — все! Хотя было ощущение, что это мне не удастся никогда. Но именно это и заставило остаться. А на паркете мне сразу очень комфортно было. И пока все конечно были целы, я там невероятное удовольствие получал.

Алексей Воробьев сегодня востребован везде. Не оставляя свою основную профессию — певца, — активно снимается в кино и продолжает участвовать в проекте «Лед и пламень». И все это делает с полной самоотдачей



Кадр из телевизионного фильма «Неоконченный урок», с Анной Яновской. Справа: кадры из сериала «В лесах и на горах» по Мельникову-Печерскому, где Алексей сыграл главную мужскую роль



Я находил спасение в работе. Уверен: действовать — лучший способ спастись от тяжелых мыслей, когда тебе нелегко

Умеете ли вы проигрывать? Что чувствуете и думаете в такие мгновения?

Проигрывать я совершенно не умею. Я так воспитан, что для меня существует только одно место — первое. Я спортсмен, поэтому если соревнуясь и отдавая все свои силы, всего себя, не побеждаю, то обычно очень злюсь. Даже играя с ребятами в футбол во дворе, если мы не победили, не могу относиться к этому спокойно, меня это будет мучить всю неделю до следующей игры. И вот тут надо победить обязательно! Единственное, что я могу себе позволить, — шутки на эту тему и самоиронию, но в глубине души, пока не добьюсь победы, не успокоюсь.

И такой характер у вас был с детства? Если что-то не получалось в спорте, музыке, никогда не боялись быть смешным?

На льду меня совсем не волновало, буду ли я смешным. Да и раньше я никогда этого не боялся. Веселить и веселиться я люблю! А еще у меня есть одна особенность — я человек «плюс-старт», то есть на соревнованиях, выступлениях всегда все делаю лучше, чем на тренировках и репетициях.

А в тот момент, когда вы сломали руку, сразу решили, что, невзирая ни на что, не уйдете из проекта?

Конечно, не было сомнений, что не уйду. **А может быть, не пришлось бы делать операцию, если бы вы не решили вернуться?**

Когда я узнал, что рука сломана, было уже поздно. Я же не сразу пошел делать рентген, надеялся, что так пройдет. Но в глубине души понимал, что если пойти, а там перелом, то наденут гипс, и завтра на съемке номера я ничего не смогу — танец был поставлен без учета гипса! Так что к врачу я попал, когда кость уже разошлась. Я довольно наплеватьски отношусь к своему здоровью, что, конечно же, плохо.

А почему? Как я понимаю, врачей вы не боитесь...

Нет. Просто мне было жалко терять время. Думал, может быть, просто ушиб. Поехал на рентген, когда уже совсем не мог двигать рукой. Перед выходом и на лед, и на паркет обезболивающее кололи. Поняли, что без врача не обойтись. И вот там я узнал, что у меня, во-первых, перелом, а во-вторых, кость разо-

шлась на 3 мм, и нужно ее скручивать шурупом. Другого варианта уже не было.

И в результате после операции врачи разрешили вернуться или это все-таки был «самоход»?

Конечно, «самоход» (смеется). Первое, что мне сказали после рентгена: «Алексей, вам придется уходить из проекта». Я спросил: «В чем дело-то? Вы меня плохо знаете. Вы объясните, а я решу». И мне объяснили, что нужно вставлять шуруп в руку и что, если я опять упаду на нее, это может привести к тому, что кость вообще раздробится и ее будет уже не собрать. Но я считаю, что доктора в принципе перестраховщики. **А если это правда, зачем так рисковать? Артист должен быть здоровым, с руками и ногами... Ну, не Олимпийские же игры...**

Понимаю. Но я так устроен, что для меня любые игры — Олимпийские. Я не смогу успокоиться, если упущу шанс сделать или, по крайней мере, попробовать что-то, потому что никто не знает, что с нами будет завтра. Я считаю, что лучше сделать, чем грызть себя за то, что не сделал. Когда у меня случилась оказия

с ногой, то мне поставили ортез на колено и сказали, что две недели нужно лежать, не двигаться вообще. Но я в этот же день на концерте пел и танцевал, а уже на следующий был на катке.

А, кстати, каким было мнение ваших близких, мамы после сломанной руки, потом ноги: оставаться, не оставаться?

Они точно знают, что в этом смысле я абсолютно непреубеждаемый человек, меня не остановить. И когда вдруг что-то случалось, они просто спрашивали, как я. И если они видят, что могу хотя бы ходить, то понимают, что я сейчас же встану на коньки и буду пробовать, как у меня получится. Когда выходил от доктора с коленом, еле шел, был на костылях, но мне сказали: рентген показал, что коленная чашечка целая. Потом выяснилось, что связки порваны не до конца, есть надрыв и поврежден мениск. И что все это можно пережить. Я и пережил. А мама меня уж тем более так хорошо знает, что понимает: я никогда не отступлюсь от своей цели, что бы и кто бы мне ни говорил. Я очень упрямый. То ли потому что Козерог, то ли родители так воспи-

тали... С детства был ужасным раздолбаем, к тому же очень ленивым. И думаю, что только правильное родительское поведение двигало меня в нужное русло, в том числе ремешочек — любимое папино занятие (смеется). Но главное, что они умели меня точно направить. Когда я хотел бросать аккордеон, сказали: «Сын, если взялся за что-то, то доводи до конца. Потом можешь бросить. А если ты сейчас бросишь музыкальную школу, в первом классе, то потом по жизни все так и пойдет». И я их понял. С тех пор так и живу.

А почему хотели бросать?

Скучно стало. А получалось у меня отлично. Я же, как выяснилось в музыкальной школе, очень талантливый парень (смеется). Это маме говорили педагоги по всем предметам. И родители заключили со мной договор: если я буду хорошо играть на аккордеоне, ездить на конкурсы и побеждать, то могу плохо учиться в школе. И с этого момента я начал выбирать, что для меня важно в жизни, а что нет. И на что-то я всегда делаю ставку, а все остальное тянется за мной хвостом само по себе. Когда учился в Школе-

студии МХАТ, основная ставка была на профессию.

Почему «учился»?

Я ушел, отучившись два курса. Во-первых, мне предложили главную роль в большой зарубежной картине с Кирой Найтли. И это никак не состыковывалось по времени с учебой в Школе-студии. Но главное заключается в том, что я учился на курсе у Кирилла Серебренникова, а это не совсем то, что я хотел получить в профессии. Кирилл — своеобразный режиссер, со своим видением, но мне необходима классическая школа.

И что теперь? Может быть, попытаться потом продолжить в Школе-студии или в другом театральном вузе? Все-таки учеба у хорошего мастера — весьма неплохое подспорье. Хотя были и самородки, но...

Не знаю, буду ли я одним из них (смеется). Видимо, доучиваться буду в актерской школе Ли Страсберга в Лос-Анджелесе: надо убирать акцент. Понимаю, что профессия очень важна. Я ненавижу любителей, поэтому еще до поступления в Школу-студию занимался с педагогами. Мне было стыдно,



Если актер на сцене внутри себя переживает, но этого никто не чувствует, значит, он плохой актер. В жизни все должно быть так же, как в актерской профессии: отношение к чему-то или кому-то должно передаваться через действия

если не мог работать так же, как другие, на съемочной площадке. Поэтому я вкладывался в профессию еще до поступления, был просто с головой в ней. Уйдя, сразу хотел поступать куда-то, но у меня параллельно были съемки в двух проектах, а затем начинался «Лед и пламень». Стало ясно, что нужно выбирать: либо сниматься и кататься, либо все забрасывать и идти учиться. Сейчас этот вопрос открыт. Но я учусь на площадке, так как часто снимаюсь с настоящими мастерами: мне посчастливилось работать с Владимиром Гостюхиным, Станиславом Любшиным, Еленой

Я как-то понял, что уже могу написать симфонию для холодильника с тишиной...

Яковлевой и многими другими. Кстати, считаю, что мне вообще повезло в том, что я не стал известным певцом. Хотя все эти годы не мог понять, как люди, совершенно беспомощные на сцене, поют не просто под «фанеру», а иногда вообще под чужой голос и становятся известными певцами! А я, профессиональный музыкант, вроде бы умею это делать, люблю это, пишу музыку — и никому не нужен... Это меня просто убивало! Но я находил спасение в работе. Я уверен: действовать — лучший способ спастись от тяжелых мыслей, когда тебе тяжело. У меня на руке татуировка по-английски: «Слава в руках труда» — это слова Леонардо да Винчи. Я считаю, что все в руках труда. Но, как это ни странно, все, что ни делается, все к лучшему: если бы я тогда стал популярным певцом, то им бы и остался. Никто не воспринимал бы меня как серьезного драматического актера, и я не попал бы ни в одну серьезную картину. Я вообще пришел к выводу, что у Бога есть план для каждого человека. Когда после девятого класса я решил идти в музыкальное училище не на класс аккордеона, а на руководителя народного хора, мои родители и педагоги были в ужасе: я был хорошим аккордеонистом,

ФОТО Архивы пресс-службы





Алексей и на льду не боится ничего. Поэтому Татьяна Навка чувствует себя уверенно и спокойно в его руках при самых опасных подержках

мне пророчили большое консерваторское будущее, как моему старшему брату. Но именно это решение изменило всю мою жизнь.

А почему не на вокальное?

Я очень хотел петь, но мне было пятнадцать лет, а до ломки голоса ни на какое вокальное отделение не берут. Но петь хотелось так, что мне было плевать, как и на каком отделении петь! В общем, если откручивать назад, то все время было что-то, что двигало меня именно в эту сторону. Еще года в четыре — сам не помню, мама рассказывала — я даже ни с кем не дружил, не общался, мог сидеть один в детском саду и петь. И мама решила, что надо меня отвести в музыкальную школу. Там ей сказали, что, мол, парень у вас со слухом, поет чисто, интонирует, но если после ломки у него пропадет голос, то у ребенка будет сломана судьба. Мама так испугалась, что, естественно, ни о каком вокале не было речи. Но когда я играл на аккордеоне, всегда пропевал про себя все. Особенно какие-то душевные вещи. Мне это очень нравилось. А дальше важную роль сыграло то, что — это огромный секрет! — в пятом классе я учился два раза (*смеется*). Я пошел в школу с шести лет, как и мой брат, и был самым младшим в классе. В это вре-

мя в нашей школе открыли гимназический элитный класс. А я не то что не был лучшим — вообще не знал ничего, уже во втором классе все только списывал. И вот мама сказала: «Сходи, попробуй поступить туда». И я каким-то чудесным образом сдал три экзамена. Как всегда, все списал. Но первого сентября понял, что это конец. Я совсем потерялся, потому что казался там просто пень пнем. Учителя меня сажали с отличниками, разрешали списывать. Но у меня был плюс: я всегда выступал в школе на всех концертах, то есть все-таки держал марку. Учителя понимали, что я не просто раздолбай, а занимаюсь делом. Так вот, кое-как заканчиваю пятый класс. Это был огромный нервный стресс для меня: меня гнобили, потому что я ничего не знал.

Одноклассники?

Нет, одноклассники не могли: все знали, что я сразу лезу в драку. Отец в меня с детства заложил истину: если кто-то тебе хамит, значит, он заслужил получить в «бубен». И я с самого маленького возраста мог постоять за себя. Первую свою драку даже не помню. Мама мне рассказала, что однажды мой старший брат во дворе поругался с кем-то из ребят старше его — я, ни слова не говоря, просто подошел к тому

и дал в «бубен». Хотя тот был взрослее меня года на три. В тот момент это была большая разница (*смеется*).

Так вот, после окончания пятого класса учителя на собрании сказали, что я настолько криминально плохо учился, что нужно либо возвращать меня в какой-то обычный класс, либо переводить в другую школу. А я еще некоторое время занимался танцами. Мне это тоже очень нравилось. Несмотря на то что я очень хорошо танцевал, не смог продолжать, потому что нужно было покупать специальную обувь, а у родителей не было на это денег. Но вдруг... открылась тропинка в Лицей искусств, в хореографический класс. Я был счастлив. Экзамены не нужно было сдавать. Важны были растяжка, чувство ритма и т.д. Я идеально подходил. И меня спросили: «Вы в какой класс идете, в пятый?» Мама сказала, что в пятом я уже отучился. И тут передо мной встала дилемма. Я понимал, что формально я уже окончил пятый класс, и отец считал, что мне не нужно терять год. Но я сказал: «Пап, я не хочу быть самым большим дебилом в классе». Это довольно жестокая участь. И этот мой выбор фактически изменил мое дальнейшее существование. Я пошел снова в пятый класс, потому что по годам подходил. И я... знал все! Ведь тот класс был гимназический, и что-то в меня все равно попадало. В шестом классе я поехал на первый конкурс. Причем серьезный, международный. Я играл на аккордеоне и стал дипломантом, заняв четвертое место. Это был огромный прорыв. Родители были счастливы. Отец тогда даже продал свою старенькую «восьмерку», которая помогала ему кормить семью, чтобы купить мне профессиональный инструмент. Я подумал, что аккордеон все-таки моя судьба. После этого конкурса меня сразу пригласили в элитное учебное заведение в Туле, лицей при музыкальном училище, причем абсолютно бесплатно. После окончания лицея принимали в училище автоматически. Через два года был следующий международный конкурс, Белобородовский (по имени изобретателя гармошки), он раз в четыре

года проходит, как Олимпиада, то есть действительно очень серьезный. И я на этот конкурс готовлюсь, выступаю и... сразу после него решаю, что завязываю с аккордеоном. На том конкурсе я не занял ничего.

Поэтому?

Нет, дело не только в этом. После девятого класса следующим шагом мог быть первый курс музыкального училища. И вот здесь реально решалась судьба — либо я поступаю в среднее учебное заведение и связываю свою жизнь с этим инструментом, буквально привязываю себя к нему, либо делаю что-то другое. И я... бросил аккордеон. Наверное, этот конкурс дал какой-то толчок... Не заведя никакого места, я в слезах пересматривал свои записи. И не мог понять — почему?! Я играл хорошо, чисто. Сравнивал с другими ребятами свое выступление. И увидел, что я настолько не получаю удовольствия от того, что делаю... Видимо, это невозможно было не заметить. Когда же я вышел петь на сцену, вдруг в первый раз понял, что чувствуешь, когда ЭТО — ТВОЕ. Когда не думаешь о том, как и что, а просто получаешь гигантское удовольствие от того, что ты делаешь. И в тот момент весь мой мир просто перевернулся. Но если бы я не остался второй раз в пятом классе, то был бы уже на первом курсе музыкального училища — естественно, по классу аккордеона. Вряд ли стал бы бросать его, уже учась в музыкальном училище. Шел бы дальше и, наверное, поступил в консерваторию. То есть то, что я во втором классе занялся балетными танцами, а потом в результате этого попал в хореографический класс и т.д., можно назвать «эффектом бабочки». Именно это по цепи событий изменило всю мою жизнь, вплоть до того, что я сейчас в Москве и вы у меня берете интервью. **Леша, а какие-то страхи у вас есть или были?** Я суеверный. Много лет отдал спорту, а там все эти приметы: с какой ноги на футбольное поле выбегаешь и т.д. — очень в чести. Еще мнительный — очень боюсь простыть: берегу голос.

Не люблю открытые окна. Вот такая фобия. Есть люди, которые любят свежий воздух. А я наоборот: если нахожусь в комнате с открытым окном, просто физически ощущаю, что заболелаю. Очень боюсь за голос. Я же всегда и везде пою только вживую.

А на льду? Там же холодно...

На льду не ощущаю этого. Я же занимался футболом, мы играли и зимой на улице. А вот в помещении чувствую даже какой-то легкий сквознячок, причем могу быть одетым, в капюшоне, и все равно чувствую, что по ногам дует. И пока не закрою окно, не успокоюсь. Еще после моих последних отношений у меня появился страх признаваться в любви. Раньше я это делал легко, просто «на раз». Я не думал о том, что завтра все может прой-

ти. Мне важно было то, что ясиюминутно чувствую. А сейчас, когда стал взрослее, уже задумываюсь о том, что могу причинить боль человеку, если скажу слишком много. Ведь я ту девушку очень любил. И вдруг — раз! — и чувства вообще куда-то исчезли. Меня больше всего волнует именно это.

К тому же вы вроде бы обнаружили в себе способность к длительному серьезному чувству...

Да-а-а! Я решил, что вот она, любовь. А вдруг она не то что пропала, а ее как будто и не было. Я смотрю на девушку, которой сто раз признавался в любви, бегал за ней, у подъезда стоял, ждал — и ничего, пустота.

А вы не стали после последней истории более закрытым, чтобы не сделать больно себе?

У меня есть один огромный недостаток, который очень мешает: я не умею слушаться женщин!



Даже гипс не может заставить Алексея перестать быть собой во всем, в том числе лучезарно и победно улыбаться

Я так устроен, что для меня любые игры — Олимпийские. Я не смогу успокоиться, если упущу шанс сделать шл, по крайней мере, попробовать что-то



Номера этой пары заставляли всех восхищаться: зрителей — аплодировать, а судей — ставить самые высокие оценки

Нет, этого я не боюсь, потому что часть моей творческой природы абсолютно мазохистская. Когда в жизни что-то не так, это очень помогает тебе и в актерской деятельности, и в том, чтобы написать неплохую песню. Это ужасно, потому что любой нормальный человек стремится к тому, чтобы все было спокойно, хорошо. Но если меня бросит девушка, то несколько месяцев как минимум я буду потерянным, одиноким. Это очень изнашивает и истощает, но в то же время, повторяю, дает много, потому что у тебя есть из-за чего не спать, по крайней мере (смеется). Считаю, что актер, даже если у него в жизни все гладко, должен уметь вот это «все хорошо» сбрасывать, сдирать корки с уже заживших ран и доставать оттуда то, что было плохо и больно. Поэтому у хороших актеров часто в раннем возрасте случаются инфаркты, инсульты... Жестокая профессия, если все делать честно.

Если вы многое делаете на пределе, «не получается» вас стимулирует, то, наверное, в отношениях с девушками вам тоже нужно непременно добиваться объекта любви?

Добиваться — это самое интересное! Тогда, по крайней мере, вспоминаю, что я романтик. А это действительно так! Могу, например, за ночь написать девушке песню, сделать аранжировку, утром принести к ней домой диск и повесить на дверную ручку снаружи: она выйдет — а там сюрприз.

Но, значит, если вы почувствуете, что интересны ей, есть ответный импульс, тут же остынете?

Не факт. Это очень сложный вопрос. Тут нет никаких законов. Весь

мой опыт говорит о том, что все это странно и непонятно, как и откуда возникает.

А вы ведь всегда, чего кокетничать, чувствовали к себе повышенный интерес противоположного пола?

Да, у девочек я всегда имел большой успех, потому что был веселый и спортивный. Нравился всем старшеклассникам. Меня это абсолютно устраивало. До первой большой любви в семнадцать лет у меня не было серьезных отношений, я не реагировал на девочек, хотя понимал, чего они от меня хотели. Но мне важно было по любви, а не просто так. А мои друзья считали ужасным минусом, что я столько девочек упустил (смеется). До сих пор, как любой нормальный мужчина, не чувствую никакого азарта, никакого интереса, если на меня вешаются. В такой ситуации не возникает: «А что это она на меня не посмотрела? Почему она кокетничает сейчас с другим, а не со мной?» А эти вопросы нужны (смеется).

Мы столько положительного в Леше Воробьеве перечислили, одни сплошные достоинства — кроме непостоянства, да и оно вроде бы уже в прошлом. Признайтесь, у вас все-таки есть какие-то недостатки или слабости?

Да! У меня есть один огромный недостаток, который очень мешает, когда мы, к примеру, работаем с Татьяной на льду: я не умею слушаться женщин! То ли это воспитание, то ли еще что-то, но я настолько консервативен в этом смысле, что для меня может быть только так: мужчина говорит, а женщина слушает. И меня просто разрывает, когда Таня начинает мне что-то говорить по сто раз. Понимаю, что на льду она гораздо сильнее меня, скажем прямо (смеется), но когда я без конца слышу: «Здесь надо вот так», меня «накрывает». И у нас такие ссоры и скандалы бывают, что летают коньки в разные стороны, все разбегаются. Мы с ней оба очень вспыльчивые. И в тот момент, когда Татьяна чуть-чуть повышает голос, а у нее это постоянно происходит, всегда ей

говорю, чтобы она следила за своим тоном. Я ее сразу предупредил, что не умею сдерживаться. Если нас обоих кто-то учит, это я нормально воспринимаю. А когда моя партнерша начинает меня учить...

А если бы был партнер? Здесь это было бы странно, а вот, к примеру, на съемках?

Было бы абсолютно нормально. Это огромный мой минус, но я считаю, что женщина должна знать свое место (смеется).

В одном из интервью вы, рассказывая о некой ситуации, упомянули выражение «в слезах». Трудно представить вас плачущим...

О-о, я вообще страшный плакса (смеется). Я по-настоящему сентиментален, могу заплакать от чего угодно — например, если кто-то рассказывает трогательную историю из своей жизни. Иногда говорю с мамой по телефону — плачу, с братом тоже. Например, прошу маму привезти «орешки» (она эти печенья замечательно делает из теста со стуженкой — вкуснее, чем кто-либо вообще), и в это время сразу всплывают все картинки, которые связаны с этими «орешками», с мамой, вообще с детством, которое было очень бедным, но дико счастливым, потому что нас очень любили родители. Я часто держусь, чтобы мама не слышала. Держусь, держусь, потом говорю, что я ее люблю, и «закругляюсь». Кладу трубку и уже потом плачу. Мне часто родителей не хватает, очень скучаю.

А от жалости к себе, от боли?

Нет, жалость к себе... Мне кажется, это глупое занятие. А от боли... Таш Саркисян говорил, что у меня болевой порог вообще отсутствует. Нет, это не так, просто в запале я часто не успеваю почувствовать боль. Видимо, у меня какая-то внутренняя система так срабатывает. Например, падаю на бедра, а это адская боль. Но я сразу подскакиваю и начинаю дальше катиться, чтобы голова в этот момент другим занималась. Думаешь: «Ну, конечно, больно. Но ты же уже едешь. Как бы еще раз не упасть» — и сразу начинаешь на чем-то ином концентрироваться, что-то делать.

Как у такого сильного молодого человека обстоят дела с мужским словом, обещанием?

Ой, это очень серьезно. Особенно если ты ждешь от того человека такой же преданности и верности его слову. Что чаще всего обещают мужчины? Что будут верными, даже если уедут на месяц. Я лично всегда выполнял эти обещания, потому что представлял себя на месте другой стороны. Очень не хочу, чтобы это когда-то ко мне вернулось. Ведь все знают, что Земля круглая и, если ты один раз сделаешь что-то не так, потом оно к тебе вернется. Так что слово я всегда держу.

А обычные обещания: приду туда-то, сделаю то-то тогда-то?

Естественно, стараюсь держать слово. Иногда, правда, забываю перезвонить, даже родному брату, потому что закрутился. Если же говорю, что что-то сделаю точно, всегда выполняю.

Общение с близкими людьми, друзьями вам нужно? Вы производите впечатление очень открытого человека, а как я поняла, никого, кроме семьи Катерины фон Гечмен-Вальдек, любимого пса Элвиса и бывшей девушки у вас здесь, в Москве, нет...

Я считаю, что настоящая дружба требует времени, как и любые отношения. А когда его нет совсем, ты его не можешь на это потратить. Хороших приятелей у меня пусть не много, но есть. А уж вечеринки... Я крайне редко куда-то хожу, но вот недавно вручал премию на одной гламурной церемонии, посмотрел вокруг и подумал: «Чтобы среди этих людей найти друга, надо быть просто сумасшедшим». А вот на съемках, бывает, встречаешь отличных ребят, с которыми с удовольствием общаешься. Но съемки заканчиваются, ты уходишь в один проект, он — в другой, и жизнь вас разводит. Иногда приходишь домой, сидишь один, думаешь: «Кому позвонить?» — и чувствуешь какое-то вселенское одиночество... Звук холодильника в полной тишине. Я как-то понял, что уже могу написать симфонию для холодильника с тишиной...

Марина Зельцер